

Ворота Расемон – южные городские ворота в Киото, воздвигнутые в начале IX в. Про них было сложено множество легенд. Ворота считались прибежищем демонов и разбойников.

Первый сборник рассказов японского писателя Рюносэ Акутагавы назывался «Ворота Расемон». Когда же впервые головы писателя коснулся демон безумия и самоубийства – тогда ли или немного позже?

Страх сумасшествия преследовал Акутагаву с детских лет. Его мать сошла с ума вскоре после рождения мальчика и с тех пор в течение 10 лет – до самой смерти – находилась в лечебнице для душевнобольных. Писатель неоднократно навещал ее в больнице, и каждый раз эти посещения оставляли след в его душе, а потом и в творчестве. Именно безумия (и творческого бесплодия) он боялся всю жизнь более всего.

Акутагава много раз касался тем безумия и самоубийства в своих произведениях. Такое разнообразие видов смерти, способов убийства и самоубийства не встречается, наверное, ни у какого другого писателя. «С ранних лет Акутагава был заинтригован идеей добровольного ухода из жизни» (Г.Чхартишвили). Если при этом учесть «концентрацию смертей в общем объеме прозы Акутагавы, то станет очевидным, что тема эта довлела над ним постоянно. Описывая смерть в разных видах, автор словно делал себе своеобразную «прививку» к этому виду гибели, впрыскивая ослабленный яд деструктивности, после чего на некоторое время получал своего рода иммунитет к описанному виду смерти. (Такого рода действия Дж.Фрэзер, вероятно, назвал бы «гомеопатической магией».) В юности писатель провел эксперимент: сдавив горло веревкой, следил по секундомеру, сколько времени продлится умирание. Через минуту 20 секунд, когда начало меркнуть сознание, он остановился. И этот поступок тоже можно расценивать, как «прививку» к такой смерти.

Самоубийство путем отравления вероналом, который он начал принимать в качестве снотворного средства, в рассказах Акутагавы не встречается – к такому виду смерти у него иммунитета не было.

Рюносэ Акутагава был одним из первых японских писателей, обратившим в своем творчестве внимание на культуру и литературу Запада. И в литературе, и в

Болезни великих

Ворота Расемон

Тема безумия и самоубийства была одной из основных в творчестве знаменитого японского писателя Р.Акутагавы

жизни этот европеизированный человек несколько отошел от японских традиций, впрочем, не порывая с ними окончательно. Однако ряд эстетических, этических и религиозных особенностей, специфичных для Японии, был, очевидно, чужд писателю. Безусловно, казалось бы, далек был от него и средневековый кодекс чести самурая «Бусидо» («Путь воина»). Согласно «Бусидо», дабы не подвергнуться бесчестию, «не потерять лица», самурай должен был совершить харакири (точнее – сэппуку).

Но «потеря лица» не может ли служить синонимом сумасшествия? Как потеря личности, индивидуальности. Я не знаю, имеют ли в японском языке слова «лицо» и «личность» общий корень, но несомненно то, что понятия эти сугубо персональны и индивидуальны. Потеря лица, с точки зрения утраты уникальности человека, может быть названа тождественной распаду личности вследствие психического заболевания.

Не об этом ли написаны некоторые романы другого выдающегося японского писателя Кобо Абэ (кстати сказать, психиатра по образованию) – «Сожженное лицо» и «Человек-ящик»? В первом из них ученый, пострадавший после взрыва в лаборатории, изобретает некий состав, из которого конструирует

маску, закрывающую его сожженное лицо. Однако носить чужое, не свое лицо он не может по этическим соображениям, предпочитая, в конце концов, изуродованное келоидными рубцами свое лицо, сохраняя этим личность от распада.

Призрачно-напоминание о безумной матери постоянно кружил близ Акутагавы, и тема сумасшествия – еще одна из наиболее частых, хотя и проходящая в некоторых рассказах как эпизод.

Любопытно проследить за датируемой произведений писателя: чем ближе дата смерти, тем более странными, «сумасшедшими» кажутся его персонажи. Характер мышления, стилистика речи, да и сам выбор действующих лиц (оборотни, водяные, каппа, лешие-тэнгу и т.п.) всё сильнее отличаются от прежней повествовательной манеры автора. В новелле «Зубчатые колеса» писатель признается: «Я населил мир своего рассказа сверхъестественными животными. Больше того, в одном из этих животных я нарисовал самого себя». Можно предположить, что психическое заболевание постепенно захватывало писателя, оставляя всё меньше места для рассудка; и перед угрозой утраты личности, «потери лица» Акутагава совершил самоубийство по канонам «Бусидо», не прибегая при этом к мечу самурая.

Мне могут возразить, что психически больные люди совершают немало суицидов. Стоит ли нанизывать длинную цепь рассуждений и говорить о какой-то «потере лица»? Но самоубийства психически больных чаще совершаются по мотивам галлюцинационно-бредовой симптоматики

или в депрессивном состоянии. Суицид же из-за осознания себя психически больным – событие довольно редкое, ведь, как правило, сознание болезни, критика к ней у действительно душевнобольных отсутствует.

В 1920 г. З.Фрейд поразил мир открытием того, что вместе с принципом удовольствия (Eros) существует и тяга к смерти (Thanatos). Диалектика их взаимоотношений подчинена жизни любого существа. Фрейд считал, что Eros – созидующее, мужское начало, а Thanatos – начало деструктивное, женское. Эта точка зрения поразительно близка одновременно к китайской культуре (диалектика взаимоотношений Инь и Янь, женского и мужского начал) – еще одна из наиболее частых, хотя и проходящая в некоторых рассказах как эпизод.

Демон, притаившийся за левым плечом японского писателя в тени ворот Расемон, коснулся его головы. Диалектические качели Инь и Янь замерли: иероглиф Инь перевесил. Страх потери лица оказался сильнее страха смерти.

*«Верно, эта цикада
Пеньем вся изошла,
Одна скорлупка осталась».*

В тени ворот Расемон по-прежнему таятся демоны. Японский кинорежиссер Акира Курогава, экранизовавший рассказ Акутагавы и назвавший фильм «Расемон», неоднократно пытался совершить суицид.

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментального здоровья.

Северный государственный
медицинский университет.

НА СНИМКЕ: безумия Акутагава боялся всю жизнь.

Былое

69 лет назад, в марте 1943 г. Совинформбюро сообщило о взрыве брянскими партизанами Голубого моста через Десну, в результате чего почти на месяц было приостановлено движение на этом участке фронта вражеских составов с техникой и живой силой. Историки считают эту операцию самой крупной в череде диверсий брянских партизан. Участие в ней принимали тогда несколько сотен человек. Ныне в живых остались единицы. Одна из них – бывшая медсестра и подрывница 90-летняя Антонина Карзыкина.

Жива партизанская легенда

В наградных документах отважной партизанки значится, что она вступила в партизанский отряд 2 мая 1942 г. Так получилось, что в доме родителей Антонины в глухой лесной деревушке лечился после боевого ранения командир «лесных бойцов» Герой Советского Союза Филипп Стрелец. Набравшись смелости, девушка попросила зачислить ее в отряд. Командир дал добро, и вскоре в отряде имени Сергея Лазо появилась в лазарете новая медсестра. Делала всё, что положено было делать в сложившейся обстановке. После краткосрочных курсов, которые успешно прошла под руководством партизанского доктора, научилась перевязывать раненых, помогала врачу при операциях. А потом попросилась в бригаду подрывников.

Оценив смелость и сноровку молодого бойца, Антонину включили в специальную группу по подрыву Голубого моста. Каждому из 40 человек предстояло прежде всего доставить к месту проведения операции по 20 кг тола. Можно представить себе, что это значило для 20-летней девушки! Идти с таким грузом предстояло не один десяток километров. А потом еще вскарабкаться на обледенелую железнодорожную насыпь.

За свой подвиг Антонина Карзыкина получила орден Отечественной войны II степени.

Василий ШПАЧКОВ,
собр. корр. «МГ».

Брянская область.

Память

Когда-то в красивом доме, построенном по проекту К.Быковского в 1891 г., ныне это Большая Пироговская улица, дом 19, находилась детская Хлудовская больница. В ней в должности ординарного профессора Московского университета продолжительное время работал доктор Нил Филатов. Это имя на слуху у многих родителей, обращавшихся за помощью в Филатовскую детскую больницу (называвшуюся до революции Софийской), что расположена на Большой Кудринской улице.

Родился Нил Фёдорович Филатов в 1847 г. В 17 лет с отличием окончил курс дворянского пансиона в Пензе, затем, в 1869 г., медицинский факультет Московского университета. Получив диплом, отправился на службу земским врачом в Саранский уезд Пензенской губернии. Отработав несколько лет в провинциальной глуши, он уехал за границу, что-

Слово о детском враче

Его считали редкой доброты человеком

бы преумножить свои знания. Обучался в Вене, Париже и Берлине.

В 1874 г. Филатов блестяще защитил диссертацию на степень доктора медицины, а на следующий год поступил ординатором в детскую больницу на Бронной улице в Москве. Вскоре он стал читать лекции по детским болезням при Московском университете и был назначен приват-доцентом. А с 1891 г. – экстраординарный профессор по кафедре детских болезней. Тогда-то Филатов и получил должность директора Хлудовской больницы и детских клиник.

Филатовские научные сочинения были переведены на многие

иностранные языки. А знакомые и друзья считали этого специалиста по детским заболеваниям редкой доброты человеком.

26 января этого года минуло 110 лет со дня его смерти. И в тот далекий от нас траурный январский день 1902 г. в университетской клинической церкви у гроба почившего были совершены панихиды, на которых присутствовали сослуживцы, врачи – бывшие ученики Филатова, многочисленные почитатели его памяти и благодарные родители. Роскошные для зимы венки были возложены от Императорского московского университета, докторов детской клиники, Хлудовской и Софийской больниц, простых работ-

ников при Хлудовской больнице, университетских студентов-медиков, его учеников всех рангов. Конечно, теплыми чувствами и воспоминаниями были переполнены сердца всех собравшихся.

Наш современник, проходя по Большой Пироговской улице, наверняка заметит недалеко от детской Хлудовской больницы весьма выразительный памятник Н.Ф.Филатову работы скульптора В.Е.Цигалы и архитекторов Г.И.Гаврилова и Е.И.Кутырёва. Его открыли в 1960 г. И значит, таких людей москвичи не забудут никогда.

Татьяна БИРЮКОВА,
москвовед.